

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.6.208.220>

«МОЛОЧНАЯ ВОДКА» И ПЕРЕГОННЫЕ АППАРАТЫ В ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУРЕ?¹

© 2025 г. Ю.В. Ширин, Е.В. Водясов, О.В. Зайцева, В.В. Немых

В статье анализируются археологические материалы II–III вв. н.э. из Оглахтинского могильника, которые указывают на существование в таштыкской культурной среде перегонных аппаратов и «молочной водки». Находки в двух оглахтинских могилах абсолютно идентичных наборов посуды, связанных с изготовлением и хранением крепкого алкоголя, впервые позволяют говорить об устойчивой традиции снабжения умерших перегонными аппаратами. На основе археологических и этнографических данных делается вывод о бытовании в Саянском регионе перегонного устройства с внутренним сбором спиртового конденсата в деревянной чаше с характерным сливным желобом. Надежные аналоги подобных деталей дистилляторов в хуннских комплексах Центральной Азии и отсутствие таковых в погребениях скифского периода дают основания говорить о распространении «молочной водки» в скотоводческих культурах именно в хуннский период. Реконструируемый тип перегонного аппарата дожил в Южной Сибири до этнографической современности, что может объясняться универсальностью и простотой его использования.

Ключевые слова: археология, Таштыкская культура, Минусинская котловина, эпоха позднего железа, перегонные аппараты, технология дистилляции.

“MILK VODKA” AND DISTILLERSATION APPARATUSES IN TASHTYK CULTURE?²

Yu.V. Shirin, E.V. Vodyasov, O.V. Zaitseva, V.V. Nemykh

The paper analyzes archaeological materials of the 2nd–3rd centuries AD from Oglakhty burial ground, which indicate the existence of distillation apparatuses and “milk vodka” in the Tashtyk cultural environment. Absolutely identical sets of utensils associated with the production and storage of strong alcohol found in two Oglakhty graves for the first time suggest the existence of a stable tradition of providing the deceased with distillation apparatuses. On the basis of archaeological and ethnographic data, it is concluded that a distillation device with internal collection of alcohol condensate in a wooden bowl with a characteristic drainage trough was used in Sayan region. Reliable analogs of such distiller details in the Xiongnu complexes of Central Asia and their absence in the burials of the Scythian period imply that it was the Xiongnu period when “milk vodka” was widely spread among cattle-breeding cultures. The reconstructed type of the distillation apparatus survived in South Siberia until ethnographic modernity, which can be explained by its versatility and ease of use.

Keywords: archaeology, Tashtyk culture, Minusinsk Hollow, Late Iron Age, distillation apparatuses, distillation technology.

Идея статьи родилась в июле 2021 года во время раскопок одного из погребений таштыкской культуры на Оглахтинском могильнике. Исследованная могила выделялась среди прочих прекрасно сохранившимся набором деревянной посуды. Как это часто бывает, по мере выявления и расчистки новых предметов нами выдвигались и обсуждались разные

версии об их возможном предназначении. Сначала наше внимание привлек деревянный бочонок специфической формы, наталкивающий на мысль о возможном снабжении умерших каким-либо алкогольным напитком. Известные этнографические примеры о хранении «молочной водки» народами Саяно-Алтая в подобных ёмкостях делали наши

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (Проект №124041100079-5 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири. 2024-2025 гг.» или FWEZ-2024-0021).

² The work was carried out within the framework of the state assignment (Project No. 124041100079-5 “Socio-cultural genesis and cross-border interaction of ancient and medieval societies in the contact zones of Western and Central Siberia. 2024-2025” or FWEZ-2024-0021).

рассуждения не совсем уж и беспочвенными. Однако позже, в ходе расчистки юго-восточного угла могилы, была найдена более важная, хотя и на первый взгляд не столь примечательная находка, представлявшая собой деревянную чашу с характерным сливным желобом. Проведенный поиск этнографических и археологических аналогов окончательно укрепил нас в том, что перед нами «нёбо» – хорошо узнаваемая конструктивная деталь перегонного аппарата центральноазиатских скотоводов.

В связи с этой находкой был очень велик соблазн «собрать» из остальной посуды, находившейся в могиле, весь перегонный аппарат. Но понимание специфики таштыкского погребального обряда предостерегло нас от таких однозначных реконструкций, поскольку в эти могилы чаще всего помещались не реальные бытовые предметы, а их модели. Причем эти модели могли быть как уменьшенного, так и полного размера. Тем не менее археологический контекст находок и понимание принципов работы перегонных аппаратов различного типа позволили нам предложить в настоящей статье свою реконструкцию устройства, бытовавшего в таштыкской культуре.

Для начала необходимо дать краткий обзор перегонных аппаратов, известных в различных традиционных культурах. Несмотря на широкий географический охват и кажущееся разнообразие, по сути существует всего два основных типа. Первый тип перегонных аппаратов имеет колонную структуру с внутренним устройством для сбора конденсата. Готовый продукт мог выводиться наружу по сливному желобу. Принципиальным отличием второго типа является выведение возгоняемого вещества в виде пара по трубе во внешний охладитель, например в металлический сосуд, погруженный в холодную воду, что, как вариант, могло быть заменено на пропуск отводной трубы через сосуд с холодной водой или на воздушное охлаждение в «змеевике». На территории Саяно-Алтая хорошо известны и задокументированы оба типа перегонных аппаратов (рис. 1).

Различные исследователи предлагали свои наименования для разных вариантов перегонных аппаратов исходя из субъективных представлений об истории их появления, а потому зачастую награждали их этническими ангажированными названиями («монгольский», «тюркский», «китайский» и т. п.), что

не всегда отражало реалии и часто приводило к путанице. Во избежание этого мы, вслед за В.А. Киселем (2014), будем обозначать конструкции с внутренним охладителем как тип 1 (рис. 1: 1, 2), а с внешним – как тип 2 (рис. 1: 3, 4). Варианты типов мы выделяем по конструкции концентраторов конденсата и обозначаем их буквами: тип 1а – кольцевой без слива; тип 1б – кольцевой со сливом; тип 1в – с центральной ёмкостью без слива; тип 1г – с центральной ёмкостью со сливом; тип 2а – с охлаждаемым приёмным сосудом; тип 2б – с охлаждаемой отводной трубой (змеевиком).

Отдельный и до сих пор не решенный вопрос связан со временем появления технологии молочной дистилляции в скотоводческой среде. Единого мнения, как водится, не существует. Предположение о том, что перегонка могла быть известна уже в скифское время, высказывалось С.И. Руденко (Руденко, 1953, с. 52). Впрочем, это предположение не было подкреплено какими-либо доказательствами, а упомянуто лишь вскользь при описании того, что в принципе могло содержаться в сосудах из Пазырыкских курганов. М.А. Очир-Горяева выдвинула гипотезу о возможной связи парных разноразмерных бронзовых котлов с остатками перегонного устройства (Очир-Горяева, 2004). В.А. Кисель, напротив, поставил под сомнение наличие у скифов «молочной водки» и среди прочих контраргументов отметил, что никто из древних авторов о ней не упоминает (Кисель, 2007). С ним солидарен А.А. Туаллагов, показавший, что попытка трактовать отдельные сведения письменных источников как использование скифами в некоторых ритуалах именно «молочной водки» остается неубедительной (Туаллагов, 2017).

Для последующей эпохи использование перегонных аппаратов, сделанных из глины, предполагалось для кушанского времени в Индии (Allchin, 1979). Впрочем, Джеймс Макхаг критически относится к такой интерпретации и указывает, что кушанам могла быть известна технология ферментации, но никак не дистилляции, которая, по его мнению, появляется в Индии намного позже, примерно в XIII в. н. э. (McHugh, 2020).

Если обратиться к традициям более северных территорий, азиатских степей, то здесь следует привести точку зрения В.А. Киселя, который не исключает знакомства хунну

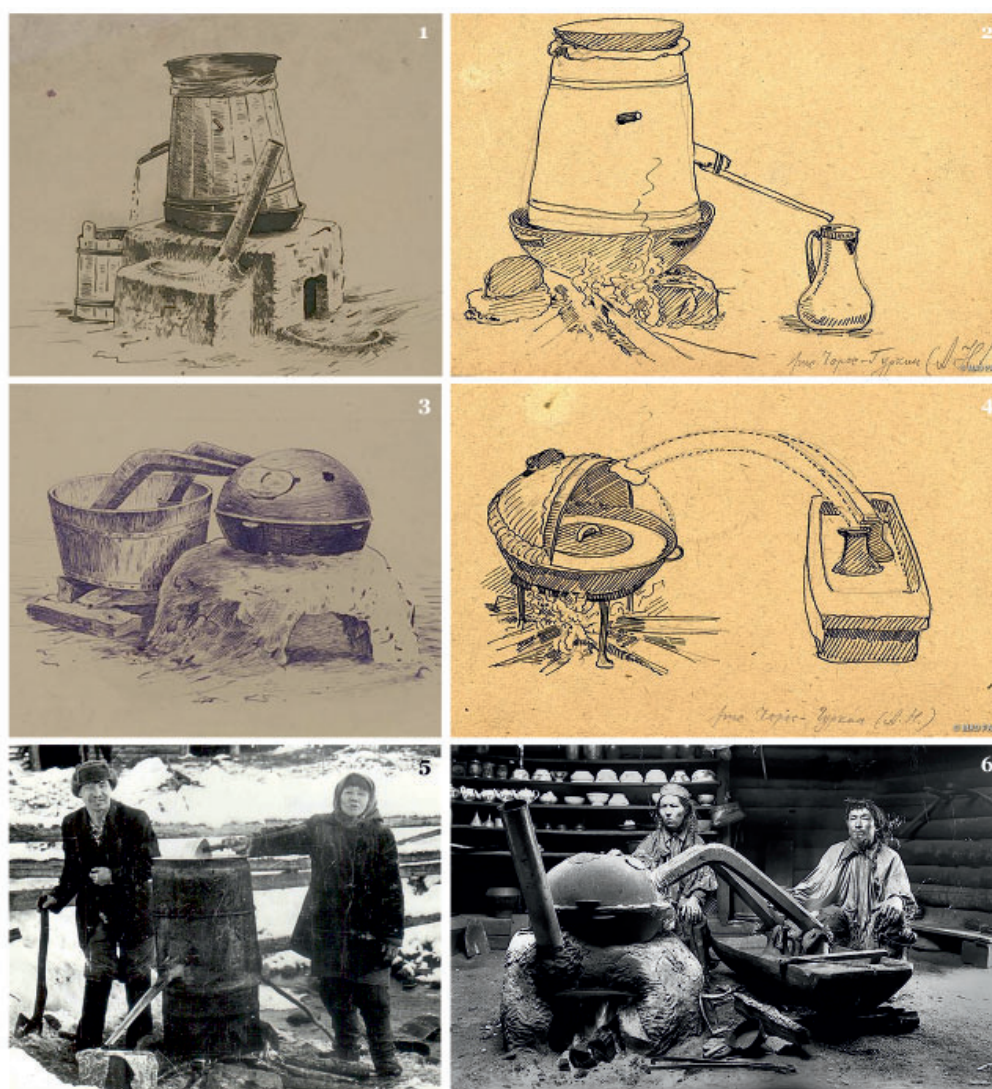

Рис. 1. Традиционные перегонные аппараты Саяно-Алтая: 1, 2, 5 – тип 1г; 3, 4, 6 – тип 2а. 1 – Хакасия, около 1925 г. (по: Шнейдер, 1925а (дата обращения: 20.03.2025)); 2 – Республика Алтай, 1930 г. (по: Гуркин, 1930а (дата обращения: 20.03.2025)); 3 – Хакасия, около 1925 г. (по: Шнейдер, 1925б (дата обращения: 20.03.2025)); 4 – Республика Алтай, 1930 г. (по: Гуркин, 1930б (дата обращения: 20.03.2025)); 5 – Горная Шория, 1981 г. (по: Кимеев, 1989); 6 – Республика Хакасия (по: Древности Минусинского края, 1904-1907).

Fig. 1. Traditional distillation apparatuses of Sayano-Altaï: 1, 2, 5 – type 1g; 3, 4, 6 – type 2a. 1 – Khakassia, circa 1925 (according to: Shneider, 1925a (accessed on: 20.03.2025)); 2 – The Republic of Altai, 1930 (according to: Gurkin, 1930a (accessed on: 20.03.2025)); 3 – Khakassia, circa 1925 (according to: Shneider, 1925b (accessed on: 20.03.2025)); 4 – Altai Republic, 1930 (according to: Gurkin, 1930b (accessed on: 20.03.2025)); 5 – Mountainous Shoria, 1981 (according to: Kimeev, 1989); 6 – The Republic of Khakassia (according to: Antiquities of Minusinsk region, 1904-1907).

с перегонными устройствами типа 1г (рис. 1: 1) через культурные контакты с Китаем, однако широкое распространение этих аппаратов и собственно крепкого алкоголя он приписывает танскому времени (Кисель, 2014). Недавно китайские исследователи провели эксперимент в особом типе сосуда, показавший, что технология дистилляции спирта в Китае может восходить не к Танской, а более ранней династии Западная Хань (202 г.

до н. э. – 25 г. н. э.), то есть к раннему хуннскому периоду в истории Центральной Азии (Chinese researchers trace... (дата обращения: 20.03.2025)).

Наконец, отметим, что, несмотря на все попытки археологов удревнить начало применения кочевниками технологий дистилляции, в этнографии укоренилось не подвергавшееся серьезной критике положение о том, что «молочная водка» появляется у централь-

ноазиатских народов не ранее монгольского времени (Вайнштейн, 1991, с. 129; Schottenhammer, 2016, p. 143).

Как мы видим, палитра догадок о времени возникновения крепких напитков у евразийских скотоводов весьма разнообразна, с хронологическим разбросом, превышающим тысячу лет. Главная проблема здесь в том, что наиболее узнаваемые детали перегонных аппаратов обоих типов традиционно изготавливались из дерева, то есть из материала, обнаружение которого в археологических памятниках – редчайшая удача. Нам в какой-то мере действительно повезло найти в Оглахтинском могильнике набор деревянной посуды исключительной сохранности.

Оглахтинский могильник: археологические свидетельства существования перегонных аппаратов во II–III вв. н.э.

Всемирную известность Оглахтинскому могильнику принесли великолепно сохранившиеся предметы из органических материалов (Вадецкая, 1999; Панкова, 2020; Pankova, 2017; Панкова, Ширококов, 2021). Могильник расположен в Хакасии, на северо-востоке горного массива Оглахты, в 4,8 км к юго-востоку от с. Советская Хакасия. Памятник является одним из крупнейших некрополей таштыкской культуры и насчитывает около 300 археологических объектов (Водясов и др., 2021). К настоящему времени исследованы десятки могильников таштыкской культуры, но ни в одном из них не встречена сохранность деревянных изделий, сопоставимая с оглахтинской. В специальных статьях нами уже освещена непростая история исследования могильника и раскрыт комплекс причин, способствовавший уникальной сохранности органики в некоторых гробницах (Водясов и др., 2021; Зайцева, 2023). Раскопками разных лет здесь была получена беспрецедентная коллекция деревянной посуды.

Всего на Оглахтинском могильнике к сегодняшнему дню исследовано шесть могил с экстраординарной сохранностью предметов (три могилы из раскопок А.В. Адрианова в 1902–1903 гг., одна могила из раскопок Л.Р. Кызласова в 1969 г., две могилы из раскопок Е.В. Водясова в 2021, 2023 гг.). Обилием деревянной посуды особенно выделяются два погребения – могила 2/1903 (раскопки А.В. Адрианова) и могила 1/2021 (раскопки Е.В. Водясова).

Исследованная нами могила 1/2021 расположена в западной части Оглахтинского некрополя. Здесь был вскрыт бревенчатый сруб, сложенный в четыре венца. В его южной половине вытянуто на спине, головой на запад похоронена женщина. На её лице находилась гипсовая маска с красными спиралевидными орнаментами. Кремированные останки второго индивида компактно располагались в северной части сруба. Полная публикация материалов этой могилы ожидается в ближайшем будущем. В данной статье мы хотим уделить внимание исключительно находкам деревянной и глиняной посуды, которые, на наш взгляд, могут являться свидетельствами изготовления, потребления и хранения крепкого алкоголя. Вся интересующая нас посуда располагалась у восточной стенки сруба (рис. 3). В северо-восточном углу находился деревянный бочонок, а чуть южнее, на уровне досок пола – деревянный сосуд-ковш. В юго-восточном углу сруба единым скоплением вплотную друг к другу стояли: деревянное ведёрко со сливом, глиняный сосуд, имитирующий бронзовый котёл, и деревянная чаша со сливным носиком. Ещё одна находка – деревянная шкатулка с крышкой, также находившаяся у восточной стенки сруба, на наш взгляд, не связана с алкогольными напитками.

Ниже приведём краткое описание и атрибуцию всех интересующих нас предметов из могилы 1/2021.

Плоская чаша со сливом. Чаша вырезана из сосны кедровой сибирской, овальной формы, размером 17×11×4 см, со сливным носиком длиной 2,8 см (рис. 2: 1). С противоположной от носика стороны, в 0,75 см ниже края венчика вырезан горизонтальный шпенек прямоугольного сечения 0,9×0,5 см, выступающий на 1,9 см. Стенки чаши вертикальные, толщиной 0,4 см; срез венчика горизонтальный; внутренняя округлая поверхность сосуда аккуратно выглажена, а внешняя сторона без дополнительной обработки, оформлена тремя примерно равными по ширине горизонтальными плоскостями, разделенными гранями.

Трёхмерная модель чаши доступна по ссылке <https://sketchfab.com/3d-models/24a317c9804b410fa7300c0cfad98f4e>.

До сих пор предлагалась нейтральная атрибуция для таких чаш – «сосуд со сливом», но никто не уточнял, в каком бытовом контексте этот сосуд мог использоваться. В культурах

Рис. 2. Оглахтинский могильник. Набор посуды из погребений: 1-5 – могила 1/2021; 6-10 – могила 2/1903.

Fig. 2. Oglakhty burial ground. A set of utensils from burials: 1-5 – grave 1/2021; 6-10 – grave 2/1903.

народов Саяно-Алтая есть только один предмет с аналогичным сливным желобом – так называемое «нёбо» (рис. 4: 2–3). Оно устанавливается внутри перегонного аппарата типа 1г (рис. 1: 1–2) и служит для сбора осаждаемого алкоголя и вывода его наружу.

Аналогичная деревянная чаша со сливом была обнаружена в Оглахтинском могильнике А.В. Андриановым в могиле 2/1903 (рис. 2: 6). Устройство слива у этих сосудов и сама их форма таковы, что для разливания напитков они не очень-то и подходят. При попытке это сделать жидкость, не успевая пройти по узкому желобу, будет перехлестывать через край

сосуда. Очевидно, такая форма служила именно для постепенного собирания конденсата, который по мере накопления успевал медленно вытекать по желобу наружу в подставленную ёмкость.

Именно находки в погребениях Оглахтинского могильника этих деревянных чаш позволяют нам говорить о существовании в таштыкской культуре перегонных аппаратов и крепкого алкоголя.

Глиняный лепной сосуд. Сосуд объемом 0,5 л на коническом поддоне (рис. 2: 2). Диаметр устья 12,6 см. На венчике, на противоположных сторонах, есть следы обло-

Рис. 3. Оглахтинский могильник. Находки в восточной части могилы 1/2021.

Fig. 3. Oglakhty burial ground. Finds from the eastern part of grave 1/2021.

ма двух вертикальных дуговидных ручек, а в 0,6 см ниже среза венчика устье опоясывает небольшой валик шириной 0,6 см.

Трехмерная модель сосуда доступна по ссылке <https://sketchfab.com/3d-models/1b276f89999743b6bd7e217a3c9118fc>.

Представляет собой глиняную имитацию бронзового котла. Такие модели являются частой находкой в таштыкских погребениях (Вадетская, 1999). В могиле 1/2021 этот сосуд располагался вместе с «нёбом», что уже само по себе наталкивает на мысль об их возможном совместном использовании и в конструкции перегонного аппарата.

Деревянное «ведерко» со сливом. Сосуд выдолблен из колоды ивы. Объем около 0,5 л. Высота 10,5 см. Диаметр 10,5 см. Имеются отверстия для подвешивания (рис. 3: 8).

Трехмерная модель сосуда доступна по ссылке <https://sketchfab.com/3d-models/wooden-vessel-9062f9a3cf6c423180d92007a4035a99>.

Ведерко находилось в одном скоплении с «нёбом» и моделью бронзового котла. Этнографические данные красноречиво говорят о возможности использования таких «ведёрок» для сбора готового продукта перегонки (Вайн-

штейн, 1991, рис. 64), для хранения закваски, а также оно могло символически имитировать верхнюю часть перегонного устройства.

Деревянный бочонок. Бочонок объемом 4,2 л (рис. 2: 5). Остов бочки выдолблен из ивовой колоды длиной 34 см. По краям диаметр емкости 15 см, а в средней части – 17 см. Толщина стенок бочонка в средней части 2 см. Донышки изготовлены из сосны. На их внутренних стенках хорошо видны следы испарившейся жидкости, наполовину заполнявшей бочонок на момент захоронения. Слив поперечный. Отверстие для него диаметром 4 см прорезано в центре корпуса, куда вставлена втулка длиной около 18 см, вырезанная из березы. Устье втулки оформлено в виде шляпки зонтичного гриба диаметром около 7 см. В сливное отверстие в устье втулки вложена деревянная воронка длиной 8,5 см.

Трехмерная модель бочонка выложена в открытый доступ по ссылке <https://sketchfab.com/3d-models/moonshine-barrel-f4c9c189bdf40de984844fd5b05d511>.

По нашему мнению, в таких бочонках вполне мог находиться сам продукт перегонки. Наличие в нем молочной «водки» может косвенно подтверждаться и тем фактом, что для долгого хранения любой другой молоч-

ной продукции (молоко, айран, кумыс и т. п.), а также всевозможных ягодных морсов бочонков попросту не пригоден. Хранить подобные напитки в бочонках бессмысленно, так как они достаточно быстро испортятся, поэтому есть основания полагать, что бочонки с длинным узким сливным горлышком предназначались именно для крепкого алкоголя.

Подобные бочонки известны в синхронных памятниках кокзельской культуры Тувы (Вайнштейн, 1991, с. 110). К слову, такие же бочонки сохранились в Южной Сибири до этнографического времени и служили как раз для хранения «молочной водки», которую, например, тувинцы возили родителям невесты (Потапов, 1966, с. 42).

Деревянный сосуд-ковш. Объем 0,33 л (рис. 2: 4). Высота 11 см, диаметр 9,5 см. Вырезан из березового капа. Тулово ковша шаровидное. Ковш имеет цельно вырезанную изогнутую ручку с валиком на конце, имитирующим копыто. Имеются следы ремонта – утраченный фрагмент на всю толщину стенки восполнен некой «мастикой» неустановленного состава.

Трехмерная модель доступна по ссылке <https://sketchfab.com/3d-models/831f5cb3ee5c4bdd97332002ca79c2cf>.

Похожий до мельчайших деталей «ковшик» найден и в могиле 2/1903 Оглахтинского могильника (рис. 2: 9). Форма этого сосуда-чарки и его расположение в могиле 1/2021 рядом с бочонком наталкивают на мысль о его возможном использовании при потреблении молочной «водки».

Хронология могилы 1/2021. Согласно дендрохронологической шкале, разработанной для Оглахтинского могильника (Слюсаренко, Гаркуша, 2023), сруб из могилы 1/2021 оказался примерно на 50 лет старше исследованной Л.Р. Кызласовым могилы № 4 с мумиями и куклами, надежно датированной радиоуглеродным методом в рамках второй половины III в. н. э. (Tarasov et al., 2022). Таким образом, наиболее вероятная датировка исследованной нами могилы 1/2021 определяется концом II – началом III вв. н. э. Не противоречит этому и радиоуглеродная дата, полученная для деревянного бочонка. Дата (EAAMS-110) показала возраст 1806 ± 93 , что после калибровки в программе OxCal 4.4 с использованием калибровочной кривой IntCal20 укладывается в 126–354 гг. н. э. (1 σ).

Обсуждение. Удивительным открытием при поиске аналогий для изделий из погребения 1/2021 стал тот факт, что точно такой же набор посуды присутствует в Оглахтинской могиле 2/1903, расположенной в восточной части кладбища на противоположном склоне (рис. 2).

Археологический контекст находок из погребения 2/1903 трудно восстановим, так как А.В. Адрианов не оставил полного отчёта о раскопках. Тем не менее проделанная работа с архивными документами и публикациями ученых, работавших с предметами из этого погребения в Государственном историческом музее и Красноярском краеведческом музее, позволила нам получить достаточно полное представление о содержавшемся в нём наборе посуды (Вадецкая, 1999, рис. 22, табл. 49–51).

Совершенно очевидно, что столь детальное повторение всех типов посуды для приготовления, хранения и распития крепких напитков (рис. 2) не может объясняться случайным совпадением, а указывает на осознанное и довольно частое сопровождение умерших одинаковыми перегонными аппаратами. О последнем говорит и тот факт, что в трети от всех исследованных оглахтинских могил с сохранной органикой такие идентичные наборы присутствуют и повторяют друг друга до мельчайших деталей. Это позволяет нам впервые увидеть неизвестную ранее устойчивую традицию снабжения усопших перегонными аппаратами и крепким алкоголем.

Ценность молочной «водки» в быту скотоводов и её особый сакральный статус способствовали бережному к ней отношению. Оглахтинские бочонки снабжены специальными воронками для аккуратного наполнения (рис. 2: 5, 10), а длинные горлышки предназначались для точного и удобного дозирования напитка.

Не менее важно и то, что аналоги деревянным чашам для сбора конденсата из Оглахтинского некрополя не исчерпываются таштыкскими материалами. Подобные детали перегонных аппаратов при приготовлении крепких алкогольных напитков широко использовались в Корее, Японии и Мексике (рис. 4: 4). Только на первый взгляд мексиканские аналогии могут показаться неожиданными. Дело в том, что прототипами для перегонных устройств Центральной Америки послужили как раз варианты аппаратов

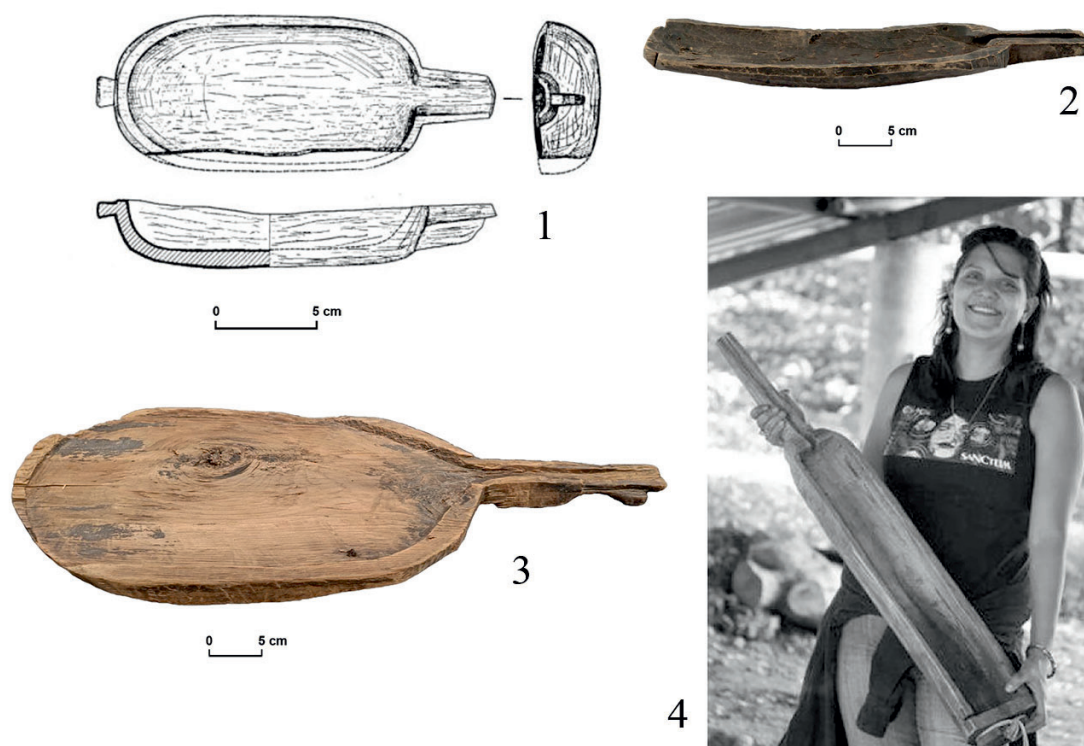

Рис. 4. «Нёба» для сбора спиртового конденсата в перегонных аппаратах типа 1г: 1 – могильник Ноин-Ула (Монголия), курган № 12 (по: Елихина, 2018, рис. 187); 2 – Республика Тыва, конец XIX – начало XX вв. (по: Часть самогонного аппарата..., без года (дата обращения: 20.03.2025)); 3 – Горная Шория (фото Ю.В. Ширина, 2024); 4 – Мексика (по: Valenzuela-Zapata et al., 2013, fig. 9).

Fig. 4. 'Palates' for collecting alcohol condensate in type 1r distillation apparatuses: 1 – Noion-Ula burial ground (Mongolia), barrow No.12 (according to: Elikhina, 2018, fig. 187); 2 – The Republic of Tyva, late 19th – early 20th centuries (according to: Part of a moonshine distiller..., without year (accessed on: 20.03.2025)); 3 – Mountainous Shoria (photo by Yu.V. Shirin, 2024); 4 – Mexico (according to: Valenzuela-Zapata et al., 2013, fig. 9).

типа 1г, завезенные из Юго-Восточной Азии не ранее XVI в. (Valenzuela-Zapata et al., 2013, p. 186). Самое интересное, что сходный с мексиканским по форме и размерам предмет найден в значительно более раннем комплексе – в хуннском могильнике Ноин-Ула (рис. 4: 1), во внешней камере кургана № 12. Это достаточно массивная чаша размером 40×16,5 см со сливным желобом. Глубина сосуда составляла около 6 см. Помимо этого, подобные деревянные емкости известны ещё в одном могильнике хуннского времени Сампула, расположенного в Синьцзяне (Pankova, 2017, fig. 27).

Отнесение сосудов с узкими желобами на сливных носиках из могильников Оглахты и Ноин-Ула к варианту конструкции «нёба» объясняет и назначение короткого шпенька на противоположной от слива стороне. Как ручка этот выступ совершенно не функционален (что особенно хорошо видно на примере массивного изделия из Ноин-Улы), но он мог служить фиксатором «нёба», устанавливаемо-

го под наклоном внутри перегонного устройства. У массивного «нёба» из Ноин-Улы есть гребень под сливным желобом для дополнительного упора о край котла или выводного отверстия. Подобные упоры делаются на сливных носиках «нёба» и в наше время.

С учетом того, что для ритуальной практики таштыкской культуры неоднократно отмечено использование имитаций и вотивных моделей, то возможно, что и два наших оглахтинских «нёба» были специально изготовлены для погребальных ритуалов в уменьшенном виде, чем их реальные прототипы. Впрочем, они могли быть и вполне функциональными для небольшого перегонного устройства типа 1г.

Новые материалы могут приблизить нас к разрешению вопроса о времени возникновения технологии дистилляции в скотоводческой среде Саяно-Алтая. Сегодня мы знаем, что появление деревянных бочонков в таштыкских и синхронных им кокзельских

памятниках Верхнего и Среднего Енисея происходит в начале I тыс. н. э. (Вайнштейн, 1991, с. 110). В это же время, судя по материалам Оглахтинского могильника, получает распространение перегонный аппарат типа 1г.

Интересно и то, что среди деревянной утвари, находимой в погребениях скифского периода Саяно-Алтая, такие наборы, напротив, не известны. Вполне логично допустить, что возникновение новой технологии молочной дистилляции и распространение аппарата типа 1г произошло именно в хуннский период, особенно принимая во внимания очевидные параллели хорошо узнаваемых деталей перегонных устройств в хуннских комплексах Центральной Азии.

Самое удивительное, что эти перегонные аппараты практически в неизменном виде дожили до этнографической современности (рис. 1: 1, 2, 5). При этом в быту различных народов Саяно-Алтая два рассмотренных выше типа с внешним и внутренним охладителем сосуществовали, отражая локальные семейные традиции и привычки. По сведениям А.В. Адрианова, которому в начале XX века посчастливилось воочию наблюдать в Саянах оба типа перегонных аппаратов, тип 1г был наиболее типичным для Тувы, отчего полагали, что откуда он распространился у соседних народов (Адрианов, 1909). Если наша гипотеза касательно таштыкской «молочной водки» верна, то традиция использования аппарата типа 1г на Верхнем и Среднем Енисее насчитывает по меньшей мере две тысячи лет.

Заключение. В завершающем разделе мы бы хотели не повторять вышесказанное,

а наметить возможные пути для дальнейших исследований. Перспективным видится химическое изучение стенок обнаруженных сосудов и особенно бочонков, чтобы проверить высказанную гипотезу о существовании молочной дистилляции в таштыкское время.

Дело в том, что для изготовления молочной водки необходима закваска, поэтому перед перегонкой традиционные рецепты часто предусматривали добавление в молочный продукт различных злаков, а иногда даже и костей животных (Потапов, 1969, с. 169; Есенова, 2012, с. 112). Например, хакасы для приготовления спиртовой закваски иногда опускали в кислое молоко крахмалистые корни сараны или дробленые кости (Бутанаев, 1996, с. 115). Алтайцы и тувинцы при отсутствии прошлогодней закваски на дальних кочевьях могли использовать пророщенную в небольшом мешочке пшеницу (Потапов, 1969, с. 169; Шойнуу, Донгак, 2016).

Если подобные рецепты были характерны и для таштыкского времени, то химическое обнаружение в сосудах жирных молочных кислот вместе со следами, например, проса и/или костей животных стало бы дополнительным аргументом в пользу гипотезы о существовании перегонных аппаратов в таштыкской среде. Обнаружение именно молочных кислот важно ещё и потому, что, даже несмотря на все этнографические параллели, мы не можем исключать знакомство таштыкского населения и с другими видами дистилляции, например перегонкой зерновой браги. В общем разрешение этого вопроса химическими методами выглядит многообещающим.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Михаилу Вавулину, научному сотруднику Восточно-Казахстанского технического университета, за участие в создании трехмерных моделей археологических предметов из могилы 1/2021. Авторы также от всей души благодарят сотрудников Государственного Эрмитажа Наталию Васильеву и Светлану Панкову за их огромный вклад в деле реставрации и хранения оглахтинской археологической коллекции.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXIV. СПб, 1909. С. 489–524.
- Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакасс. кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири / Archaeologica Petropolitana. VII СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Водясов Е.В., Панкова С.В., Зайцева О.В., Вавулин М.В. Оглахтинский могильник: история открытий, планиграфия и современное состояние // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 6–23. DOI: 10.17223/2312461X/33/1

Гуркин (Чорос-Гуркин) Г.И. Прибор для перегонки арака. Алтайцы. Россия, Алтай республика. 1930а. Коллекция МАЭ РАН. Музейный номер МАЭ И 122-107. URL: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/267225?query=%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B0&index=9> (дата обращения: 20.03.2025).

Гуркин (Чорос-Гуркин) Г.И. Прибор для перегонки арака. Алтайцы. Россия, Алтай республика. 1930б. Коллекция МАЭ РАН. Музейный номер МАЭ И 122-106. URL: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/267224?query=%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B0&index=2> (дата обращения: 20.03.2025).

Древности Минусинского края. Открытка № 5. Минусинские инородцы. В юрте качинца. За приготовлением "арага" (вина). Минусинск: Издание Н.В. Федорова [между 1904 и 1917].

Елихина Ю.И. Сокровища курганов Ноин-Улы (Северная Монголия). Находки экспедиции П.К. Козлова 1923–1926 гг. из коллекции Государственного Эрмитажа. LAP Lambert, Academic Publishing (Germany), 2018. 309 с.

Есенова Т.С. Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2012. 160 с.

Зайцева О.В. В поисках пустоты: проблемы и перспективы обнаружения погребений с сохранный органикой // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 196–203.

Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1989. 189 с.

Кисель В.А. «Огненный» напиток скифов // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова / Науч.ред. С.В. Хаврин СПб: Культ-Информ-Пресс. 2007. С. 110–114.

Кисель В.А. Самогонование у тувинцев: конфликт традиционной культуры и государства // Сибирский сборник — 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры / Отв. ред. В.Н. Давыдов, Д.В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 506–522.

Очир-Горяева М. О возможном назначении парных бронзовых котлов у кочевников раннего железного века Евразии // Археологические памятники раннего железного века юга России / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2004. С. 166–178.

Панкова С.В. меховые одежды из могильника Оглахты: шубы из погребения 4 // Археологические вести. Вып. 26 / Гл. ред. Н. В. Хвоцинская. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 202–215.

Панкова С.В., Ширококов И.Г. Погребальная кукла с кремацией из Оглахтинской могилы 4 (раскопки Л.Р. Кызласова 1969 г.) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 60–96. DOI: 10.17223/2312461X/33/3.

Потапов Л.П. Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Т. II / Отв. ред. Л.П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1966. С. 13–55.

Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н. Дендрохронологическое исследование древесины из Оглахтинского могильника: первые результаты // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 204–235.

Туаллагов А.А. Об алкогольных напитках скифов // Известия СОИГСИ. № 23 (62). 2017. С. 5–11.

Часть самогонного аппарата. Тувинцы. Конец XIX - начало XX в. Коллекция Российского этнографического музея. Музейный номер РЭМ 8761-8524. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT/152580?query=%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE&fund=929340&index=2> (дата обращения: 20.03.2025).

Шнейдер Е.Р. Рисунок (тушь): аппарат для выгонки араки. Хакасы. ок. 1925а. Коллекция Российского этнографического музея. Музейный номер РЭМ 5723-14. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT/252155?query=%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B0&fund=929340&index=2> (дата обращения: 20.03.2025).

Шнейдер Е.Р. Рисунок (чернила): аппарат для выгонки араки. Хакасы. 1925б. Коллекция Российского этнографического музея. Музейный номер РЭМ 5723-16. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT/742331?query=%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B0&fund=929340&index=1> (дата обращения: 20.03.2025).

Шойнуу А.-М.В., Донгак М.И. Технология приготовления тувинской водки (тываарага) // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы IV международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной Году гостеприимства в Республике Тыва / Отв. ред. У.В. Ондар. Кызыл: Тувинский гос. ун-т, 2016. С. 192–193.

Allchin F.R. India: The Ancient Home of Distillation? // *Man, New Series*. 1979. Vol. 14. No. 1. P. 55–63.

Chinese researchers trace spirit distillation technology back to Western Han Dynasty. 2025. URL: http://www.china.org.cn/arts/2024-10/22/content_117499362.htm (дата обращения: 20.03.2025).

McHugh J. Too Big to Fail: the Idea of Ancient Indian Distillation // *Drink of immortality: essays on distillation and alcohol use in ancient India*. Manohar, New Delhi, First edition, 2020. P. 41–61.

Pankova S.V. Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in southern Siberia // *Masters of the Steppe: the Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia*. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017 (Eds. Svetlana V. Pankova and St John Simpson. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2017. P. 373–398.

Schottenhammer A. Distillation and Distilleries in Mongol Yuan China. Crossroads: Studies on the History of Exchange Relations in the East Asian World. 14. 2016. P. 143–160.

Tarasov P.E., Pankova S.V., Long T., Leipe Ch., Kalinina K.B., Panteleev A.V., Ørsted Brandt L., Kyzlasov I.L., Wagner M. New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakhty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE // *Quaternary International*. 2022. № 623. P. 169–183. DOI: 10.1016/j.quaint.2021.12.004

Valenzuela-Zapata A.G., Buell P.D., Solano-Pérez M.P., Park H. «Huichol» Stills: A Century of Anthropology — Technology Transfer and Innovation // *ACM Crossroads Student Magazine*. 2013. Vol. 8. P. 157–191.

Информация об авторах:

Ширин Юрий Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, Россия); shirin_a@mail.ru

Водясов Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник музея «Алтын Алтай» Восточно-Казахстанского технического университета (г. Усть-Каменогорск, Казахстан); vodyasov.ev@gmail.com

Зайцева Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, руководитель музея «Алтын Алтай» Восточно-Казахстанского технического университета (г. Усть-Каменогорск, Казахстан); snori76@mail.ru

Немых Владимир Владимирович, магистрант, Томский государственный университет (г. Томск, Россия); vlagimir0801@bk.ru

REFERENCES

Adrianov, A. V. 1909. In *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* (Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography) XXXIV, 489–524 (in Russian).

Butanaev, V. Ya. 1996. *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov* (Traditional culture and way of life of the Khakas). Abakan: “Khakass. Kn. Izd-vo” Publ. (in Russian).

Vadetskaya, E. B. 1999. *Tashtyyskaya epokha v drevnei istorii Sibiri* (The Tashtyk Epoch in the ancient history of Siberia). Series: Archaeologica Petropolitana. VII. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedeniya” Publ. (in Russian).

Vainshtein, S. I. 1991. *Mir kochevnikov tsentra Azii* (Nomads's world of central Asia). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vodyasov, E. V., Pankova, S. V., Zaitseva, O. V., Vavulin, M. V. 2021. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* (Siberian Historical Research) 3, 6–23 (in Russian).

Gurkin (Choros-Gurkin), G. I. 1930. *Pribor dlya peregonki araka. Altaitsy. Rossiya, Altai respublika* (Arak distillation device. The Altaians. Russia, The Altai Republic). MAE RAS Collection. И 122–107. Available at: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/267225?query=%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B0&index=9> (accessed 20.03.2025) (in Russian).

Gurkin (Choros-Gurkin), G. I. 1930. *Pribor dlya peregonki araka. Altaitsy. Rossiya, Altai respublika (Arak distillation device. The Altaians. Russia, The Altai Republic)*. MAE RAS Collection. И 122-107. Available at: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/267224?query=%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B A%D0%B0&index=2> (accessed 20.03.2025)

1904, 1917. *Drevnosti Minusinskogo kraia. Otkrytka № 5. Minusinskie inorodtsy. V yurte kachintsa. Za prigotovleniem "araga" (vina) (Antiquities of Minusinsk region. Postcard No. 5. Minusinsk foreigners. In a Kachin's yurt. Preparation of 'arag' (wine))*. Minusinsk: "N. V. Fedorov" Publ. (in Russian).

Elikhina, Yu. I. 2018. *Sokrovishcha kurganov Noin-Uly (Severnaya Mongoliya). Nakhodki ekspeditsii P.K. Kozlova 1923–1926 gg. iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Treasures of Noin-Ula burial mounds (Northern Mongolia). Finds of P.K. Kozlov's expedition of 1923–1926 from the collection of the State Hermitage Museum)*. LAP Lambert, Academic Publishing (in Russian).

Esenova, T. S. 2012. *Ocherki po lingvokul'ture kalmykov (Essays on the linguoculture of the Kalmyks)*. Elista: Kalmyk State University (in Russian).

Zaitseva, O. V. 2023. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia (Siberian Historical Research)* (3), 196–203 (in Russian).

Kimeev, V. M. 1989. *Shortsy. Kto oni? (The Shorts. Who are they?)*. Kemerovo: "Kemerovskoe kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

Kisel, V. A. 2007. In Kharvin, S. V. (ed.). *Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A.V. Vinogradova (Collection of scientific papers in honor of the 60th anniversary of A.V. Vinogradov)*. Saint Petersburg: "Kult-Inform-Press" Publ., 110–114 (in Russian).

Kisel, V. A. 2014. In Davydov, V. N., Arzyutov, D. V. (eds.). *Sibirskii sbornik – 4. Grani social'nogo: antropologicheskie perspektivy issledovaniya social'nykh otnoshenij i kul'tury (Siberian Collection – 4. Facets of the social: anthropological perspectives on the study of social relations and culture)*. Saint Petersburg.: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 506–522 (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M. 2004. In Yablonsky, L. T. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki rannego zheleznogo yuga Rossii (Archaeological sites of the Early Iron Age in Southern Russia)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 166–178 (in Russian).

Pankova, S.V. 2020. In Khvoshchinskaya, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 26. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 202–215 (in Russian).

Pankova, S. V., Shirobokov, I. G. 2021. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia (Siberian Historical Research)* (3), 60–96 (in Russian).

Potapov, L. P. 1966. In Potapov, L. P. (ed.). *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii AN SSSR (Proceedings of the Tuvan Complex Archaeological and Ethnographic Expedition of the USSR Academy of Sciences)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 13–55 (in Russian).

Potapov, L. P. 1969. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev (Essays on the national life of Tuvinians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaya v skifskoe vremia (Culture of the Population of Mountain Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Slyusarenko, I. Yu., Garkusha, Yu. N. 2023. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia (Siberian Historical Research)* (3), 204–235 (in Russian).

Tuallagov, A. A. 2017. In *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniim. V.I. Abaeva (Proceedings of the V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research)* 62 (23), 5–11 (in Russian).

Chast' samogonnogo apparata. Tuvincy. Konec XIX - nachalo XX v. (Part of a moonshine distiller. The Tuvans. Late 19th - early 20th centuries). Collection of the Russian Ethnographic Museum. 5723-14. Available at: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT/152580?query=%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE&fund=929340&index=2> (accessed 20.03.2025) (in Russian).

Shneider, E. R. 1925. *Risunok (tush'): apparat dlya vygonki araki. Hakasy (Drawing (ink): Arak distillation apparatus. The Khakas)*. Collection of the Russian Ethnographic Museum. 5723-14. Available at: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT/252155?query=%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B0&fund=929340&index=2> (accessed 20.03.2025) (in Russian).

Shneider, E. R. 1925. *Risunok (chernila): apparat dlya vygonki araki. Hakasy (Drawing (ink): Arak distillation apparatus. The Khakas)*. Collection of the Russian Ethnographic Museum. 5723-16. Available at: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT/742331?query=%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B0&fund=929340&index=1> (accessed 20.03.2025) (in Russian).

Shojnuu, A.-M. V., Dongak, M. I. 2016. In Ondar, U. V. (ed.). *Aktual'nye problemy issledovaniya etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsij narodov Sayano-Altaya: Materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenykh, aspirantov i studentov, posvyashchennoj Godu gostepriimstva v Respublike Tyva (Actual problems of research of ethnoecological and ethnocultural traditions of the peoples of Sayano-Altai: Proceedings of the 4th International scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students dedicated to the Year of Hospitality in the Republic of Tyva)*. Kyzyl: Tuva State University, 192–193 (in Russian).

Allchin, F. R. 1979. In *Man, New Series*. Vol. 14. No. 1. 55–63.

Chinese researchers trace spirit distillation technology back to Western Han Dynasty. Available at: http://www.china.org.cn/arts/2024-10/22/content_117499362.htm (accessed 20.03.2025).

McHugh, J. 2020. In *Drink of immortality: essays on distillation and alcohol use in ancient India*. Manohar, New Delhi, First edition. 41-61.

Pankova, S.V. 2017. In Pankova, S. V., and StJohn, Simpson (eds.). *Masters of the Steppe: the Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 373–398.

Schottenhammer, A. 2016. In *Crossroads: Studies on the History of Exchange Relations in the East Asian World*. 14, 143–160.

Tarasov, P.E., Pankova, S.V., Long, T., Leipe, Ch., Kalinina, K.B., Panteleev, A.V., Ørsted, Brandt L., Kyzlasov, I.L., Wagner, M. 2022. In *Quaternary International*. (623), 169–183. DOI: 10.1016/j.quaint.2021.12.004

Valenzuela-Zapata, A.G., Buell, P.D., Solano-Pérez, M.P., Park, H. 2013. In *ACM Crossroads Student Magazine*. Vol. 8. 157–191.

About the Authors:

Shirin Yury V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Human Ecology, Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Sovetskyi, ave. 18, Kemerovo, 650000, Russian Federation; shirin_a@mail.ru

Vodyasov Evgeny V. Candidate of Historical Sciences, Museum «Altyn Altai» East Kazakhstan Technical University. Serikbaev, str., 19, Ust-Kamenogorsk, 070004, Kazakhstan; vodyasov.ev@gmail.com

Zaitseva Olga V. Candidate of Historical Sciences, Museum «Altyn Altai» East Kazakhstan Technical University Serikbaev, str., 19, Ust-Kamenogorsk, 070004, Kazakhstan; snori76@mail.ru

Nemykh Vladimir V. Tomsk State University. Lenin ave., 36, Tomsk, 634050, Russian Federation; vlagimir0801@bk.ru

Статья поступила в журнал 17.04.2025 г.
Статья принята к публикации 20.05.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу